

рактором и одинаковым назначением всех языков и языка вообще и не зависит ни от того или иного специфического формального устройства каждого из них, ни от возможно различного «языкового мышления». Из этого самоочевидного положения вытекает, что в каждом языке должны быть средства выражения каждой из трех функций. Мы назовем эти средства **формальным аппаратом** каждой функции.

Из сказанного выше о возможности раздельного моделирования каждой функции следует, что каждый из трех формальных аппаратов должен быть, по крайней мере в своих основах, независим от другого, что само различие трех аппаратов должно быть универсальным свойством языка. Нашей задачей будет выявить принципы распределения элементов структуры языка, прежде всего его грамматических элементов, между тремя функциями. Эти принципы, очевидно, также должны быть универсальны. Сказанное, разумеется, не означает, что универсальными будут те конкретные элементы, которые окажутся связанными с той или иной функцией. Напротив, следует ожидать, что в каждом языке формальный аппарат каждой отдельной функции окажется особым, состоящим из специфических грамматических явлений данного языка.

Кроме раздельного моделирования, возможно и **прямое разделение** функций в самом языке, что доказывается конкретными лингвистическими исследованиями. Прагматическая функция как акт общения, прежде всего направленного от индивида к другим индивидам и к обществу в целом, установление говорящим своего отношения к действительности, выражается в языковых знаках любой протяженности и устройства: в междометиях: *А — а — а ...*; в назывных предложениях, в особенности такого типа, который непосредственно связан с ситуацией, как вывески и объявления: *Ремонт часов; Злая собака; Высокое напряжение*; в перформативных высказываниях: *Клянусь! Обещаю!* и в выделенной Б. Малиновским более частной, «фатической» функции, когда говорящие говорят что угодно, лишь бы завязать или поддержать общение (phatic communion)⁸. Очевидно, что теоретически, с чисто прагматической точки зрения, язык можно рассматривать независимо от того, имеют ли его знаки внеязыковые денотаты типа тех объектов, которые называются с помощью существительных, глаголов и прилагательных, или тех ситуаций, которые в качестве объекта описываются словосочетаниями и предложениями. С этой точки зрения неважно также, имеют ли языковые знаки развернутое синтаксическое построение, являются ли они полными глагольными предложениями и т. д.

Номинативная функция как номинация объектов действительности, существующих в виде предмета или ситуации, также независима от двух остальных функций. Уже одно то, что номинация может осуществляться либо отдельным словом, либо словосочетанием, либо предложением, говорит о том, что эта функция независима от синтаксического построения. То, что она независима от прагматической функции, ясно из сказанного выше.

Независимость синтаксической функции от двух других вытекает из того, что элементарные синтаксические связи — типа согласования, управления, примыкания, с одной стороны, и предикативности, или сказуемости, с другой, — могут получить непротиворечивое определение только при условии их отвлечения как от номинации (лексики), так и от прагматики (выражения говорящим через высказывание своего отношения к действительности). В сущности в обоих случаях дело идет об одном и том же: о необходимости отличить синтаксические связи от связей языкового знака (слова или предложения) с действительностью.

Независимость номинации от элементарного синтаксического построения была фактически обоснована уже классическими трудами В. В. Вино-

⁸ См. O g d e n С. К., R i c h a r d s J. A. The Meaning of Meaning. London, 1923, p. 313 сл.